

УДК 321:94(450)

**РИМСКАЯ КАТАСТРОФА 1527 Г. В ИТАЛЬЯНСКИХ ВОЙНАХ,
ИЛИ SACCO DI ROMA: АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
СОБЫТИЯ НЕСКОЛЬКИМИ СОВРЕМЕННОКАМИ**

Павлов К.В.

В исследовании осуществлен анализ восприятия современниками исторического события, представляющего собой «идеальный миф» от его свершения – римской катастрофы в Итальянских войнах 1527 г., или «Римского мешка» (Sacco di Roma), когда войска империи Габсбургов заняли Рим и вынудили папу Климента VII бежать из города. Автор постарался исходить при отборе рассматриваемых им исторических свидетельств из трех принципиально значимых характеристик: принадлежности современникам Sacco di Roma, происхождения этих современников из различных регионов Италии и наличия попытки рефлексивного осмысления (или, говоря языковой современной исторической науки, исторической интерпретации) с попыткой ответа на вопрос: «В чем причина катастрофы Рима 1527 г.?». В результате рассмотрения как ряда источников, так и их историографического анализа в дискурсе интеллектуальной истории, автор делает вывод о наиболее логически компромиссной рефлексии произошедшего вокруг Sacco di Roma со стороны флорентийского дипломата и историка эпохи Итальянских войн Франческо Веттори, указавшего на кризис института папства в политике Италии своего времени. В качестве приложения к исследованию приведен перевод с итальянского на русский язык фрагмента одноименного диалога Веттори «Sacco di Roma», в котором дипломат выражает свои идеи о папстве через маску выдуманного персонажа – флорентинца Антонио.

Ключевые слова: Sacco di Roma, Итальянские войны, Веттори, Санторо, Рим, империя Габсбургов, Флоренция.

**THE ROMAN CATASTROPHE OF 1527 IN THE ITALIAN WARS,
OR SACCO DI ROMA: ANALYSIS OF THE HISTORICAL INTERPRETATION
OF THE EVENT BY SEVERAL CONTEMPORARIES**

Pavlov K.V.

The study analyses the perception of historical event contemporaries that represents a “perfect myth” from its accomplishment: the Roman catastrophe in the Italian Wars of 1527, or “Sack of Rome” (Sacco di Roma), when the troops of the Habsburg Empire occupied Rome and forced Pope Clement VII to flee the city. The author has tried to base his selection of historical evidence on three fundamentally important characteristics: belonging to the contemporaries of Sacco di Roma, the origin of these contemporaries from different regions of Italy and the presence

of an attempt at reflexive comprehension (or, in the language of modern historical science, historical interpretation) with an attempt to answer the question: “What is the cause of the catastrophe of Rome in 1527?”. As a result of considering both a number of sources and their historiographical analysis in the discourse of intellectual history the author concludes that the most logically compromising reflection of what happened around Sacco di Roma was made by the Florentine diplomat and historian of the Italian Wars era, Francesco Vettori, who pointed out the crisis of the institution of the papacy in the Italian politics of his time. As an appendix to the study, there is a translation from Italian into Russian of Vettori’s dialog fragment by the same name “Sacco di Roma”, in which the diplomat expresses his ideas about the papacy through the mask of a fictional character – the Florentine Antonio.

Keywords: Sacco di Roma, Italian Wars, Vettori, Santoro, Rome, Habsburg Empire, Florence.

Итальянские войны 1494-1559 гг. как крупнейший военно-дипломатический кризис эпохи рубежа позднего Средневековья – раннего Нового времени изучены достаточно подробно. Благодаря ряду фундаментальных исторических [1; 5; 10] и дипломатических [2; 8; 13] нарративов, оставленных современниками событий конфликта на Апеннинах, принадлежавшими к различным его сторонам (как внутриитальянским, так и европейским), историки вполне отчетливо представляют себе общую картину предпосылок, этапов развития и итогов Итальянских войн. Тем не менее, в войнах на Апеннинах, как и в любом историческом процессе, наличествует определенное количество событий, о которых, в сущности, историк может с уверенностью сказать лишь то, что им предшествовало, и что они за собой повлекли. Внутреннее «наполнение» самих подобных событий для историка представляет ту область его науки, становление воспроизводства которой крупнейший специалист по культуральной истории П. Берк связывал с завершением эпохи Возрождения и обозначил совокупность этого воспроизводства «секретной историей» [6, p. 21-30].

«Секретная история» по Берку – это попытка обобществить в относительно цельном отображении ту область, ту совокупность, тот пласт исторических событий, которые представляются современникам таковых, а

также их продолжателям и интерпретаторам, наиболее мифологизированными и (или) противоречивыми в момент их свершения [6, р. 22-23]. Фиксация же этих событий в исторических нарративах различных форм и жанров, в буквальном определении исследователя, – это «... примечательная литература, посвященная снятию масок, с тем, чтобы показать обществу, что происходило "за кулисами"» [6, р. 22]. При этом Берк утверждал о развитии «секретной истории» в отдельную область исторического нарратива (а затем и метанарратива) как следствии двух кризисов исторического сознания европейской цивилизации – скептицизма XVII в. [6, р. 52-62] и постмодернизма второй половины XX в. [6, р. 62-71]. Отметим, что идея подобной формы восприятия истории, не сформулированная как самостоятельный концепт-понятие «секретная история», существовала у историков и за некоторое время до Берка.

Так американский исследователь Т. Прайс Циммерман весьма подробно изложил, что представление о кризисном характере современной ему истории (и соответствующее отображение «секретного» ее характера) присутствовало в историческом повествовании уже в эпоху Возрождения у одного из крупнейших авторов времен Итальянских войн – ломбардца Паоло Джовио [16, р. 61-85]. При этом Циммерман уточняет, что изначально Джовио формировал свою крупнейшую историческую работу – компендиум «Истории действующих времен» (*Historiarum sui temporis*) – в русле идеи «свободы Италии» (*Libertas Italiae*), борьбу за которую формулировал как основной постулат своей политики ключевой протектор Джовио – папа Лев X (Джованни Медичи) (1513-1521) [16, р. 28-41]. Однако в дальнейшем восприятие современной ему истории было пересмотрено Джовио в связи с так называемым «Римским мешком» (*Sacco di Roma*). Под этим неблагоприятным названием принято упоминать занятие и разграбление войсками императора Карла V Габсбурга Рима в мае 1527 г. и бегство из «вечного города» понтифика Климента VII (Джулио Медичи) (1523-1534).

«Римский мешок» – это событие, исторические свидетельства о котором, по меткому выражению профессора истории Университета Коннектикута К. Гувенса, «могут рассказать нам столько же об авторах и их поисках смысла, сколько и о самом событии» [11, р. 30]. Кроме того, следует согласиться с Гувенсом и в оценке «Римского мешка» как события, воспоминание о котором посредством исторического нарратива является для засвидетельствовавших его интерпретаторов «рассмотрением завершения эпохи культурного расцвета» [11, р. 30] и «травмой памяти внутри истории» [11, р. 168]. Последнее определение Гувенса важно, если иметь в виду специфику внутривосточной ситуации в Италии эпохи войн 1494-1559 гг. и значение событий в Риме мая 1527 г. в ее контексте.

«Римский мешок» (как бы ни было мифологизировано или «подтерто» представление о нем в исторических нарративах современников) фактически означал катастрофу политики папства в Итальянских войнах с момента их начала в 1494 г., сильно отличавшейся от миротворчества первосвященника. Представление о папе как своего рода «посреднике» в урегулировании внутривосточных политических конфликтов, существовавшее до Итальянских войн ввиду специфической политической модели «баланса сил», сложившейся на Апеннинском полуострове в конце первой трети – середине XV в. [4, с. 304-305], с момента вторжения европейских сил на полуостров оказалось нежизнеспособным. Уже папе Александру VI (Родриго Борджиа) (1492-1503), как отмечал в своих «Мемуарах» свидетель начала Итальянских войн, французский дипломат Филипп де Коммин, в ситуации вторжения Франции в Неаполь (и последовавшей реакции борьбы с французами Испании и империи Габсбургов), предстояло выбирать между двумя актами «политического предательства» Италии.

Выбор папства в пользу де-юре династически наследовавшегося Арагонским домом Неаполя, де-факто оказавшегося без наследника престола, по упоминанию де Коммина, был очевиден, исходя из происхождения Александра: «Наши враги считались весьма мудрыми и опытными в военном

деле и управлении королевством.... Я имею в виду короля Альфонса, незадолго до того коронованного папой Александром, уроженцем Арагона, который держал его сторону вместе с флорентийцами...» [2, с. 277]. Заручился Александр и поддержкой венецианцев, изначально, в отличие папства, напрямую обозначивших целью в борьбе с Францией не *Libertas Italiae*, а стремление к занятию территорий Апулии – прибрежного региона самих Апеннин [2, с. 276].

Отмечает французский дипломат и заинтересованность в вовлечении французов во внутриитальянское противостояние со стороны Миланского герцогства. Узурпатор власти в Милане Лодовико Моро, по наиболее раннему упоминанию де Коммина (впоследствии вновь воспроизводимом в ряде исторических нарративов эпохи Итальянских войн [1; 5]) непосредственно повлиял на решение Карла VIII Валуа вторгнуться в Неаполь: «... в 1493 году он начал, как я сказал, искушать нашего юного 22-летнего короля славой похода в Италию, убеждая, как я говорил, в его правах на это прекрасное Неаполитанское королевство, которое ему искусно расхваливал и превозносил» [2, с. 272]. Свидетельство же о начальной поддержке Испании против Франции также и Флоренцией, приводимое французским дипломатом [2, с. 277], позволяет нам судить о комплексном «перевертыше» существовавшего в Италии всю вторую половину XV в. «баланса сил».

В предшествовавший конфликту на Апеннинах период папа выступал стороной примирения между соперничавшими (идейно и политически) выразителями противоположных моделей государственного устройства: республиками (Флоренцией и Венецией) и режимами единовластия (Неаполитанским королевством и Миланским герцогством) [4, с. 304]. В ситуации же, когда внешняя экспансия европейских держав-гегемонов на полуостров усугублялась еще и династическими кризисами единовластных режимов (Неаполя [1, с. 31-32] и Милана [2, с. 268-271]), папство оказывалось поставленным перед ультиматумом. Или оно под предлогом «свободы Италии» разделяло участие в одной из сторон международной экспансии на Апеннины,

или становилось одной из конечных жертв таковой. Соответственно, папство теряло роль миротворческой силы в итальянской политике де-факто, а де-юре ему требовалось соотнесение своих действий с положениями о справедливой войне, существовавшими в христианском праве еще со времен Фомы Аквинского, сформулировавшего основным критерием таковой «защиту общественного блага» [3, с. 305].

Как отмечает современный итальянский историк папства эпохи Возрождения М. Роспокер, идеи Фомы о справедливой войне в выгодном для папства свете в начале XVI в. интерпретировал его тезка – кардинал Томмазо де Вио Каэтан [17, р. 136]. Так, согласно Роспокеру, кардинал Каэтан указал папству путь для легитимации ведения наступательных войн в Италии. Это выражалось в формулах трех юридических условий: «Даже папа мог вести войну, если соблюдались три основных требования: обладание государственной, а не частной властью, желание исправить несправедливость и стремление к добру, а не к злу» [17, р. 136]. Итальянский историк уточняет два обстоятельства применения папством эпохи войн на Апеннинах данной тонкой правовой уловки. Во-первых – неизвестна точная датировка «формул Каэтана». Поэтому мы не способны судить, мог ли успеть воспользоваться его юридическим инструментарием папа Александр VI, умерший в 1503 г., для обоснования военных авантур своего бастарда Чезаре Борджиа, или это мог сделать уже понтифик Юлий II (Джулиано делла Ровере) (1503-1513), оправдывая войны с целью захвата Болоньи и Феррары [17, р. 136-161]. А во-вторых – понтификам, помимо непосредственного юридического инструментария, требовалось историческое обоснование своих притязаний: метафорическое (соответствовавшее духу интеллектуальной культуры Возрождения) и идеологическое (связываемое с «образом» папы-миротворца) [17, р. 111].

Этим обстоятельством и объясняется ре-интерпретация культуры исторического знания, сконструированная придворными интеллектуалами понтификов – римскими гуманистами эпохи Итальянских войн. Римские папы –

те, кто раньше противостояли высокомерию «цезарей» – светских правителей городов-государств раздробленной Италии, погрязших в распрях и междоусобицах, начиная с Юлия II, сами исторически связывали себя с метафорой и идеей «Цезаря» и других античных завоевателей [17, р. 111-130]. А римские гуманисты, тем самым, задавали «закулисной» (пользуясь приведенным выше термином П. Берка [6, р. 22]) истории политики папства коннотацию своего рода «золотого мифа», вызывавшего широкие ассоциации с выдающимися историческими достижениями прошлого. Соответственно, не следует удивляться, что папа Юлий II на первую годовщину понтификата заказал и получил от флорентийского церковного интеллектуала Джованни Франческо Поджо (сына знаменитого гуманиста Поджо Браччолини) трактат «Об обязанности государей» (*De officio principis*), в котором Поджо нарек понтифика историческим преемником Цезаря: «Как Цезарь победил галлов, так и папа Юлий избавит полуостров от варварских отбросов» [17, р. 118].

Следует также иметь в виду, что вся история папства с 1503 г. до «Римского мешка» 1527 г. (за исключением кратковременного и непримечательного пребывания на престоле первосвященника кардинала-голландца под именем Адриана VI (1521-1523)) представляла собой конфликт (как гласный, так и неофициальный) двух враждебных друг другу итальянских семейств с непомерными политическими амбициями. В конечном итоге, противостояние амбиций между ними вылилось в 1517-1523 гг. в прямую войну за герцогство Урбино. Это семейство делла Ровере в лице папы Юлия II и герцога Урбино Франческо Мария и семейство Медичи в лице двух пап: Льва X и Климента VII [7, р. 90-101].

Небольшую, но значительную предысторию с объяснением «корня» этого конфликта можно обнаружить в сочинении миланского гуманиста Бернардино Корио «История Милана» (*Storia di Milano*) [5]. Так Корио указывает на то, что во времена понтификата Сикста IV (Франческо делла Ровере) (1471-1484) и правления во Флорентийской республике Лоренцо Медичи (1469-1492) архиепископом в городе Пизе (одном из ключевых исторических владений

Флоренции) был поставлен Филиппо Медичи [5, р. 323]. В результате этого решения, по замечанию Корио, «...Пиза стала непреложно флорентийской для Милана, но не для папы Сикста IV, будто уже ставившего в это архиепископство своего легата» [5, р. 323]. Как известно, флорентинцы в ходе Итальянских войн теряли и возвращали Пизу: эпизод потери вызвал всплеск анти-медичейских настроений и изгнание семейства Медичи из Флоренции осенью 1494 г.; эпизод возвращения пришелся на понтификат представителя дома делла Ровере – Юлия II.

Характерно, что уже вскоре после возвращения Пизы в 1509 г., в 1512 г. власть Медичи во Флоренции была восстановлена [10, р. 140]. При этом, как точно отмечает флорентийский дипломат и историк эпохи Итальянских войн Франческо Веттори в своем «Изложении истории Италии 1511-1527 гг.» (*Sommario della Istoria d'Italia*), строй во Флоренции был изменен в интересах кардинала Джованни Медичи (будущего папы Льва X) [10, р. 139]. Кроме того, Веттори указывает, что возвращение Медичи во Флоренцию в 1512 г. произошло при «... согласовании с [испанским] вице-королем, жадным до этого предприятия не только естественным, но и необходимостью, и рассчитавшим для себя выгоду от ссуды некоторой суммы за это упражнение» [10, р. 140]. Тем самым, Веттори очевидно намекает: Медичи получили своего рода «право подкупа» в восстановлении своего господства над Флоренцией, воспользовавшись своим положением в церковной иерархии, и наняли в этом деле испанские силы. Имея в виду неприязнь делла Ровере к Медичи, для папы Юлия II предоставление подобного права кардиналу Джованни (даже в виде невмешательства) выглядело серьезным компромиссом, вполне возможно, направленным на поиск урегулирования семейного конфликта. Однако Джованни руководствовался в дальнейшем личными амбициями: по упоминанию того же Веттори, он изначально оставлял Флоренцию в управление своему сыну Лоренцо [10, р. 139], тогда как сам стремился к понтификату и вслед за Юлием получил его, тем самым, заложив основу для нового витка конфликта Медичи и делла Ровере.

Помимо подобного обстоятельства, любопытную деталь, характеризующую общую катастрофическую непоследовательность политики папства в Итальянских войнах, подметила британская исследовательница истории Урбино эпохи Возрождения С. Клоу, согласно которой папы дома Медичи (Лев и Климент) в противостоянии дела Ровере в войне за Урбино попеременно рассчитывали на поддержку Франции и империи Габсбургов, прекрасно понимая общий конфликт интересов между этими европейскими державами-гегемонами в Италии и некоторое время между ними лавируя [7, р. 90-101]. Однако, когда в 1526 г. политическая ситуация для Климента сложилась так, что ему пришлось вступить в Коньякскую лигу против Карла V Габсбурга под эгидой Франции и через год – «отбивать» Рим от отрядов императора, понтификом было принято невероятно алогичное решение. Папа доверил защищать Рим от нападения громивших объединенные силы Франции и их союзников имперских отрядов Франческо Марии дела Ровере – капитану войск Венеции, оппоненту Медичи за власть в Урбино и едва ли не главному ненавистнику семейства Климента в Италии [7, р. 101-105].

При знании подобной непоследовательности действий папства эпохи Итальянских войн в нашем осмыслении истории не может не возникнуть очевидный штамп. Это восприятие подобной непоследовательности римских понтификов как причины случившейся в мае 1527 г. катастрофы. Представляется вероятным, что в сознании современников «Римского мешка» – итальянских интеллектуалов, запечатлевавших это событие в исторических нарративах, также не могло не быть размышлений подобного рода. Однако, значительное число авторов, чьи сочинения под заголовком *Sacco di Roma* нам известны и репрезентативны для нас в качестве исторических свидетельств, как отмечает К. Гувенс, ранее непосредственно пребывали при папском дворе или пользовались протекцией понтификов эпохи Итальянских войн [9, р. 27-30]. А потому неудивительно, что ряд гуманистов отреагировали на «Римский мешок» практически общим образом [11, р. 27-30]. Из римских интеллектуалов близкого круга Климента, к числу которых американский ученый относит

Пьетро Алчионио, Пьетро Корси, Якопо Садолето и Пьеро Валериано [11, р. 27-28], лишь Алчионио «... возлагал вину за разграбление отчасти на понтифика» [11, р. 27]. Остальные перечисленные гуманисты, чтобы «обелить» папские действия, в своих *Sacco di Roma* «усердствовали» в воспроизведении штампов в духе средневекового провиденциализма и хилиазма, перекладывавших ответственность за свершившееся в Риме на «судьбу и волю времени» [11, р. 27-30].

Пожалуй, больше всех в этом направлении мифологизации событий «Римского мешка» из них постарался Якопо Садолето, кардинал, как будто пророчески «сбежавший» (а на самом деле уехавший по делам римской курии во Францию) из Рима в 1527 г. еще в марте [11, р. 103-104]. В своем письме к покинувшему Рим Клименту VII в Орвьето от 1 сентября 1527 г. Садолето, текст которого критически издан в исследовании Гувенса [11, р. 213-215], несмотря на очевидность произошедшего обоим, утверждает о попытке понтифика противодействовать римской катастрофе: «И я думаю, что Вы были достаточно заняты во время таких бедствий. Ибо я знаю, что ум Вашего Святейшества есть мир, и я знаю Вашу превосходную веру в Бога... Таким образом, я заключаю, что тяжесть наказания была назначена свыше не Вашему Святейшеству, а времени, в которое мы живем» [11, р. 213]. Тем не менее, не будучи лишенным ехидства в сложившейся ситуации, заставившей его «приостановить» выдающуюся куриальную карьеру, Садолето призывает Климента впредь к таким действиям, «...чтобы его щедрость принесла кому-либо какую-либо пользу» [11, р. 215]. В данных словах Садолето скользит усмешка над тем, что Климент не практиковал (как ряд его предшественников), частых раздач бенефициальных владений и кардинальских должностей, что во многом послужило причиной его несостоятельности в организации обороны Рима в мае 1527 г. и обращения за помощью к непримиримому врагу дела Ровере [12, р. 70-71].

Кроме того, как отмечает британская исследовательница политической истории ренессансной Италии Дж. Хук, Климент благоприятствовал римскому

аристократическому семейству Орсини, в ущерб их злейшим врагам – семейству Колонна [12, р. 39; р. 85-86], что предопределило помощь Колонна имперским войскам при входе в Рим [12, р. 93-102]. Климент же, рассчитывая на известную неприязнь Орсини ко второй после Флоренции республике Тосканы – Сиене (разделяемую им самим как флорентинцем), предполагал своей поддержкой этому семейству разрешить сразу две возможные проблемы: присоединение Сиены к про-папским владениям Орсини (или к собственным владениям) и возможность безвозмездной поддержки с их стороны в ответ в случае угрозы для Рима [12, р. 85-86]. Как известно по событиям Итальянских войн и их итогам для Климента не последовало ни того, ни другого. Сиена, по замечанию британского историка Дж. Наджеми, стала владением дома Медичи окончательно лишь на рубеже 1569-1570 гг., когда Флорентийское герцогство, существовавшее с 5 июля 1531 г. [1, с. 567/1311], расширилось за счет поглощения границ своего оппонента и было переименовано в Тосканское [15, р. 477]. Некоторое время до этого, как уточняет Наджеми, сиенские территории с 1555 г. управлялись Медичи на началах автономии по формуле «двух государств»: «старое государство – новое государство» (*stato vecchio – stato nuovo*) [15, р. 473]. В этой формуле «старым» государством была Флоренция, а новым – Сиена. Не помогли Клименту в предотвращении римской катастрофы 1527 г. и Орсини. Более того, как указывает в своей «Истории Италии» (*Storia d'Italia*) флорентийский дипломат, историк и мыслитель эпохи Итальянских войн Франческо Гвиччардини, некоторые представители этого дома (например, синьор римского Монтеротондо Марцио Орсини) стали ревностными защитниками восставшей против Медичи Флоренции – патримонии Климента [1, с. 417/1161]. Возможно, колкость Садолето в отношении «какой-либо пользы кому-либо» в действиях папы направлена и в адрес этой ошибки Климента [11, р. 215].

Несколько иную реакцию на римские события мая 1527 г. продемонстрировал также близкий папству исторический талант Джовио. Так после свершения «Римского мешка» Джовио, несмотря на свой замысел

написать полную историю современных ему событий, удалил из своих «Историй действующих времен» описание двух «дискредитирующих» папство как политическую силу периодов, пришедшихся на время его жизни. Это реалии итальянской политики десятилетия, непосредственно предшествовавшего катастрофе (1517-1527 гг.) [16, р. 67], и значительная часть событий 1494 г. – начального периода войн на Апеннинах [16, р. 26-27]. Таким образом, ломбардец просто обходит в композиции своего исторического повествования как изначальный (пусть и несколько обусловленный вынужденными обстоятельствами) мотив папства к ведению войн в Италии, так и проистекающую из этого мотива (и уже отнюдь не вынужденную) непоследовательность военно-политических шагов понтификов дома Медичи. В свою очередь, совсем необычную трактовку «Римского мешка» и последовавших за ним событий предлагает неаполитанский дворянин на службе Франции Леонардо Санторо.

Необычность сочинения неаполитанца очевидна уже из заглавия, имя которого – не просто «Римский мешок», а «История успехов Римского мешка и войны в Неаполитанском королевстве при Лотреке» (*Istoria de' successi del sacco di Roma e guerra del regno di Napoli sotto Lotrech*) [14]. В интерпретации Санторо *Sacco di Roma* явился дважды успешным военным предприятием. Это был успех как для империи Габсбургов, взявшей и разграбившей богатейшую столицу христианского мира, так и для Франции, чей военачальник Оде де Фуа (виконт де Лотрек) сумел выбить имперские войска из Рима и воспользоваться этим для новой военной экспедиции в Неаполь [14, р. 20]. Более того, Санторо не исключает даже вариант договоренности Франции и империи Габсбургов, знавших о вероломстве папства по отношению и к тем, и к другим, о «сценарии» военных действий в Риме [14, р. 20]. Здесь неаполитанец, имея в виду реакцию претендовавшего на Милан короля Франции Франциска I Валуа на сокрушительное поражение французов от войск Карла V при Павии в Северной Италии в 1525 г., рисует нам ту самую «секретную историю»: «Но француз, устав от Сфорца и не имея надежного места для устройства своих дел,

оставил дверь открытой для Кесаря, намереваясь вступить с ним в переговоры из желания вернуть своих детей-заложников и привести все в соответствие со своим планом, хотя на публичных аудиенциях и собраниях принцев и послов он величественно говорил о войне, высмеивая Кесаря и силы, которые тот имел в Италии» [14, р. 20].

Таким образом, по версии автора *Istoria de' successi*, события в Риме мая 1527 г. явились результатом долгосрочной «сделки» между Франциском и Карлом, попытавшимся урегулировать свои противоречия в отношении Северной Италии. Камнем преткновения в их интересах в дальнейшем, в представлении Санторо, явился Неаполь, а вовсе не Милан (как об этом в более широкой исторической перспективе рассуждают некоторые другие его современники [1; 5]).

Как бы то ни было, даже для про-французски настроенного неаполитанца, удивительно панегирической представляется характеристика Санторо в отношении деблокирования виконтом де Лотреком Рима: «Точно так же два кардинала Чибо и Ридольфи спаслись от разграбления Рима, а Джорджо Казале жил в лагере английского короля, показывая, какую славу приобрел Лотрек, освободив святой город из нечестивых рук варваров с незабываемой местью в присутствии оскорбленных святых и покровителей города. И [ему же] принадлежит возвращение свободы главе Церкви, окруженному самым лучшим оружием этих разбойников и наглых крикунов, – подвиг, достойный древней славы Франции, не меньший, чем победные кличи Пипина и Карла, столько раз переходивших высоты Альп на помощь римским понтификам» [14, р. 20]. Упоминание неаполитанским дворянином Санторо Карла Великого как «помощника римских понтификов» [14, р. 20], если иметь в виду, что французский монарх с таким же именем, несмотря на отсутствие инвеституры от папы Александра VI [1, с. 43], силой оружия присвоил к своим владениям Неаполь, выглядит как поистине «ревизионистская» аллегория. Оправдана ли она непосредственным «заказом» французов, или рьяными про-французскими взглядами самого Санторо судить довольно сложно, так как в имеющемся в

нашем распоряжении издания *Istoria de' successi* сведения о его биографии весьма отрывчаты и в основном связаны с генеалогией его рода [14, р. 1-2]. Единственное примечательное обстоятельство, известное нам о судьбе этого неаполитанского дворянина после описанного им «Римского мешка», – это тюремное заключение на несколько месяцев с конфискацией имущества, отбытое Санторо после отбития Неаполя у войск Лотрека, и объявление его предателем [14, р. 2]. Однако в дальнейшем ходе своего исторического изложения неаполитанец, словно желая оправдаться за «цинизм» собственной интерпретации *Sacco di Roma*, пишет об угрозе последствий римских событий мая 1527 г. как о «разграблении отечества» (*sacco di patria*), опираясь на пример неназванного молодого человека, уроженца Пизы, жившего в Папском государстве. Этот молодой человек, по упоминанию Санторо, «... вырвавшись из рук варваров, ... удалился в Фермо, где у него были родственники из дома Бранкадоро, фракции, противостоящей семье Гуэрри, которая держала императорскую сторону» [14, р. 26]. Исходя из того, что дальнейшие упоминания об этом молодом человеке отсутствуют, вполне возможно, что единственное свидетельство о нем использовано в повествовании Санторо как троп – символ фрагментации итальянского общества: даже в местечках наподобие Фермо в результате «Римского мешка» произошло деление на политические фракции – «папскую» и «имперскую». На подобное значение данного упоминания может намекать и обыгрывание в фамилии «Гуэрри» (*Guerra*), приводимой автором *Istoria de' successi* как про-имперски ориентированной, слова «война» (*guerra*). Тогда как в фамилии «Бранкадоро» (*Brancadoro*) практически дословно обыгрывается словосочетание «золотая лапа» («лапа с золотом») (*branca d'oro*), иронически намекающее нам на происхождение «местечковой» знати Папской области от практики раздач бенефициальных владений, ранее (до понтификата Климента) пополнявших казну двора первосвященника. Подобная «знать» вынуждена была объединиться во «фракцию» против про-имперских сил, поскольку ей с

воцарением Карла V в Риме угрожали бы проскрипции и исчезновение как социальной прослойки итальянского общества.

Наконец, Франческо Веттори в упомянутом выше сочинении «Изложение истории Италии 1511-1527 гг.» (*Sommario della Istoria d'Italia*) [10], приводит наиболее умеренную и реалистичную из рассмотренных нами здесь исторических оценок современников аналитику майских событий 1527 г. в Риме. Свидетельство Веттори тем важнее для нас, что он, как почти едва ли ни никто другой (за исключением разве что его соотечественника и коллеги по дипломатической службе Гвиччардини), относился к числу лиц, знавших «закулисную» (вновь воспользуемся удобным термином П. Берка [6, р. 22]) сторону политики Климента. Веттори, по своему собственному упоминанию в краткой заметке с изложением политической карьеры «Записка о магистратах» (*Ricordo delli Magistrati*), был послом Флоренции (патримонии медичейских понтификов Льва и Климента) в Риме в 1512-1515 гг. [9, р. 7-8], когда Климент «ковался» как кардинал и политический деятель. Также Веттори отмечает эпизод получения от папы почетной миссии. В январе 1524 г., он продекламировал перед Синьорией Флоренции приветственный ораторий Климента, связанный с недавним его возведением в сан понтифика [9, р. 8]. А в апреле-мае 1527 г. Веттори участвовал в умиротворении анти-медичейских выступлений в «сердце» владений Медичи – Флоренции, обусловленных, не в последнюю очередь, предпосылками и последствиями «Римского мешка» [15, р. 448].

Соответственно, не стоит удивляться, что описание этого события в историческом сочинении Веттори «вращается» вокруг характера Климента. Так, согласно флорентийскому дипломату и историку эпохи Итальянских войн, честолюбивый римский понтифик просто переоценил веру в значение собственной персоны для тех, кому оказалось уготовано охранять его обитель при нападении имперских войск. Для герцога Урбино Франческо Марии делла Ровере (как и для его «сподвижника» во вспомогательном отряде Микеле Антонио, маркиза Салюццо), как уже объяснено выше, не было большого

резона биться за Рим Климента. Собственно, как намекает Веттори, их выдвижение к участию в обороне Рима преследовало вполне определенные корыстные цели: «Герцог Урбино и маркиз Салюццо сочли за лучшее отправиться на помощь Папе, но с намерением ко всем тем знакам отличия и удобствам, с которыми отправляются солдаты, когда идут на помощь тем, кто может ждать» [10, р. 242]. С. Клоу уточняет эти цели: для герцога Урбино, это был стратегический ход с расчетом заполучить от папы право владения Перуджей [7, р. 104]; для маркиза Салюццо - просто желание щедрого денежного вознаграждения (по сути, он действовал в этой операции как классический кондотьер) [7, р. 103]. В то же время, Климент сильно полагался и на вспомогательные отряды, сосредоточенные непосредственно внутри Рима: «... Папа, будучи уверенным, что вражеская армия идет к Риму, предвидел, что те немногие пехотинцы, которые у него были в такое короткое время, относились к нему с определенным трепетом. И он очень верил в обещания Ренцо да Чери, и надежда, что помощь скоро придет, поддерживала его» [10, р. 242]. Однако силы Ренцо (прибывшего из Франции) не смогли переломить очевидную ситуацию превосходства имперских войск, и 6 мая 1527 г. последовало то событие, о предвестиях и последствиях которого мы доподлинно знаем многое, а о внутреннем наполнении – достоверно почти ничего: «Римский мешок» (*Sacco di Roma*) [10, р. 242].

Любитель исторических ремарок и обобщений, флорентийский дипломат и историк и здесь в оценке римской катастрофы мая 1527 г. не удерживается от патетического обобщения: «И если Рим и был разграблен в другие времена, то это был не Рим наших дней; и разграбление длилось так долго, что то, что не было найдено в первые дни, было найдено позже» [10, р. 244]. Два Рима – дней древности и майских дней 1527 г. – объединяла для Веттори катастрофа идеи собственной исторической непреложности. Климент же для флорентинца – самый достойный из засвидетельствованных им представитель папства, но, вместе с тем, жертва судьбы Рима, «впитавшая» в себя злой рок самого института папства как воплощение сути этого города: «Я не хочу говорить это

о Клименте, потому что те, кто смотрит на жизнь прошлых пап, смогут указать, что уже более ста лет на папском престоле не сидел человек лучше Климента Седьмого, который не был ни искателем войн, ни торговцем симонией, ни скрягой, ни развратником. Кроме того, он был умеренным в пище, скромным в одежде, истинно верующим, набожным в мессах и богослужениях, которые никогда не опускал. Тем не менее, гибель пришла в его время...» [10, р. 245].

Пожалуй, здесь очевиден контраст вывода Веттори с оценкой участи Рима кругом интеллектуалов папского двора, отстаивавших «золотой миф» и утверждавших об ответственности за произошедшее «судьбы и воли времени» [11, р. 27-30], а не папства как «дискредитировавшего» себя для Рима и Италии политического института. Дальнейшая критика папства эпохи Итальянских войн (и несколько предшествовавших ей лет), связываемая флорентинцем с римской катастрофой мая 1527 г., приведена флорентинцем в диалоге «Римский мешок» (*Sacco di Roma*) в реплике Антонио – маски голоса самого Веттори в диалоге, перевод которой буде представлен в виде приложения ниже.

Приложение

ФРАНЧЕСКО ВЕТТОРИ.

РИМСКИЙ МЕШОК

Пер. с итал. К.В. Павлова по изд.: Francesco Vettori. Sacco di Roma (replica detta da Antonio) // Francesco Vettori. Scritti storici e politici / A cura di E. Niccolini. Bari: Laterza, 1972. P. 291-295.

Диалог (фрагмент)

Действующие лица:

Антонио – флорентинец почтенных лет, бежавший из Рима,

Базилио – флорентинец почтенных лет.

Реплика Антонио о папстве

АНТОНИО. Проснувшись, я подумал, что совсем маленьким мальчиком ездил в Рим во времена папы Павла, и, тем не менее, целый день слышал, как флорентинцы и другие говорили, что невозможно, учитывая выбор, который

делали в Риме, и особенно священники, удерживать этот город, чтобы он не пострадал. Тем не менее, Павел умер счастливой, с точки зрения мира, смертью, потому что сверг графа Эверсо дельи Ангильяра, который не почитал ни священников, ни религию, ни Бога.

За ним последовал Сикст, человек, привыкший быть монахом, и, умея лицемерить и угождать всем, он достиг этого сана. А эти монахи с их логикой и богословием устанавливают религию на свой лад и на свой же лад следуют ей; и то, что они делают, кажется им сделанным хорошо и законно. Он, пребывая в отвратительном состоянии, сделал кардиналом монаха Пьетро, которого многие считали его сыном (он говорил, что тот был сыном его друга из Савоны), и дал ему такой доход от благодеяний, что до того времени ни у кого не было столько, сколько у этого кардинала. Этот монах Пьетро, привыкший к бедным монастырям, стал так великолепен и раздут, что в одежде, еде и жизни мог сравниться с любым королем. Но судьба распорядилась так, что он был унесен с земли молодым. И папа обратил все свое внимание на брата упомянутого монаха Пьетро по имени Джироламо, и дал ему Имолу и Форли и графский титул. И он хотел, чтобы тот взял в жены дочь Галеаццо, герцога Миланского, которая не была законной; и в Риме не было сделано ничего другого, кроме того, что хотел граф. Он сделал одного из сыновей своего брата кардиналом Сан-Пьетро-ин-Винколи, а того брата сделал префектом Рима и отдал ему Сенигаллию. И в итоге, став папой, он совершил большие государственные и денежные дела; он вел несправедливые войны, даровал все духовные милости за деньги и умер стариком.

Его сменил Иннокентий, генуэзец по происхождению, но человек благородный, который в силу своих способностей достиг этого сана и, не говоря ничего, что было бы ему неприятно, охотно прелюбодействовал, склоняясь к этому не по хитрости, а по природе. Однако вначале он был вовлечен в войну, от которой, оставаясь в стороне, склонил свой ум к миру. И остаток жизни он провел в праздности, но в тишине, и думал оставить мир таким, каким он его нашел, и ждал, чтобы сделать хорошую мину при плохой

игре. Однако он дал немного денег Франческетто, своему родному сыну, и купил ему Ангильяру и некоторые другие замки, а в жены дал дочь Лоренцо Медичи. И наконец, прожив несколько лет в немощи, он упокоился с миром. А кардиналы заперлись в конклавах, чтобы провести новые выборы. И, осознавая, что такое понтификат, несколько кардиналов приложили максимум усилий, чтобы достичь этого сана.

Но, прежде всего, это сделал Родриго Борджиа Валентино, вице-канцлер, который придумал все способы получить этот сан деньгами, так что в конклавах не было ни одного кардинала, который бы принял его, не получив от него обещанной большой суммы денег. И он избирал не только кардиналов, но и всех, кто входил в конклавы. Но, прежде всего, он старался привлечь на свою сторону кардинала Асканио Сфорца, так как считал, что у него большая доля в коллегии, и обещал ему канцелярию и прекрасный дворец, который он выстроил в самом знаменитом месте Рима. И он умел использовать это свое искусство дарить так, что добился избрания понтификом. И как тот, кто покупает заветное имущество, думает извлечь из него как можно больше плодов, так и он, дорого купив понтификат, решил ничего не прощать, чтобы извлечь много денег и сделать своих детей (а у него было три сына) великими. Первому он купил государство в Испании и назвал его герцогом Гандийским; второго сделал кардиналом и дал ему много благодеяний; третьему купил княжество Скуиллаче в королевстве. Имевшуюся у него дочь, которую звали Лукрецией, он сначала отдал господину Пезаро. Затем, невлюбив его знатное происхождение, [он] не захотел следовать ему и отдал ее за внебрачного сына короля Альфонсо, который был ненавистен Чезаре, его сыну-кардиналу, и был им убит. После чего, чтобы показаться папе весьма милостивым, [им] было замышлено отдать ее за Альфонсо, сына герцога Феррары. Но [этот] Чезаре, его кардинальский сын, которого звали ди Валенсия, обладая свирепым умом и не думая ни о чем, кроме господства, и видя, что герцог Гандийский, старший сын папы, мешает его замыслу, однажды ночью убил его своей рукой и бросил в Тибр. Папа очень страдал, но, не желая возлагать зло на зло, сделал вид, что не

знает, кто совершил это убийство, и решил, что отдает те государства и то величие, которые он задумал для Гандии, Чезаре.

И он сделал его кардиналом; [но] утверждалось, что, поскольку он не законный, он не может занимать такой сан, и сначала доказав, когда он сделал его кардиналом, что он законный и родился от гражданина Валенсии, он доказал обратное. И он отправил его во Францию, принести королю Людовику XII отпущение грехов, чтобы тот оставил свою многолетнюю жену, поскольку она была бесплодна, и вернул Анну, герцогиню Бретани, которая была женой короля Карла VIII. Чезаре отправился во Францию морем с такой пышностью и помпезностью, что и не опишешь, и был принят королем со всеми церемониями и ласками, какие только можно использовать. И он заключил с ним соглашение о возвращении всех государств, которые Церковь в прошлом отдала в качестве вотчин и которые в то время были заняты то одним, то другим владельцем. Король обещал помочь ему в этом. Он вернулся в Италию, полный надежд, и начал штурм Имолы и Форли; он подчинил эти два города своей власти, взял графиню и отправил ее в Рим, чтобы она жила в замке Сант'Аньоло. Затем он разбил лагерь в Фаэнце и, пробыв там несколько недель, взял ее по соглашению; он заключил в тюрьму находившегося там молодого господина и, продержав его несколько недель при своем дворе, приказал задушить его ночью Бьянкино да Пиза, который был служителем в подобных жестокостях. Он отобрал государства у владык Пезаро, Римини, Камерино и Урбино и направился к Флоренции, думая, что там будут какие-то новости. Но, не сочтя за лучшее, что, вернув Пьеро Медичи, он увеличит силы стороны Орсини, которая желала уничтожить состояние, установившееся за несколько дней на полях сражений, а страну разрушить и разграбить, он уехал, заключив некий договор. Это соглашение было нужно ему больше для церемонии, чем для того, чтобы он считал себя обязанным его соблюдать. Он направился к Пьомбино и сразу же занял его, а синьор Якопо IV д'Аппиано бежал.

Он хотел штурмовать Болонью, имея определенный договор с Марискотти, чтобы изгнать Бентивольо, и, не добившись успеха, он раскрыл

этот договор, чтобы внести большую смуту в этот город, и Марискотти были мертвы. Затем он порвал с Вителли и Орсини, которые сомневались в его величии. Тем не менее, он сумел так их разорить, что, изобразив [из себя] соглашение, взял и убил Вителлоццо и синьора Паоло Орсини и других Орсини, включая и кардинала Орсини, изгнал Джанпаоло Бальони из Перуджи и Пандольфо Петруччи из Сиены. И все люди дома Колонна покинули Папское государство и удалились в Неаполитанское королевство. А упомянутый Чезаре отложил большую часть государств, из которых изгнал синьоров, себе, и назвал себя герцогом Романьи; и он возвысился до такой гордости, что задумал взять себе также Сиену и Флоренцию. Он же помог королю Людовику захватить Неаполитанское королевство и отдал его Федерико Арагонскому. Чтобы угодить королю Испании Фердинанду, Людовик оставил королевство за собой, и Чезаре полагал, что упомянутый раздел приведет к раздору между ними и что ему будет легко наследовать это королевство. Но пока он занимался этими делами и думал о более великих, в то же время, тяжело больным, умер папа Александр, и новый папа заключил его в тюрьму, а все государство, которое он добыл как трудом, так и искусством обмана и коварства, в несколько дней перешло в другие руки.

И поистине тот, кто хорошо изучит жизнь папы Александра, найдет в ней сходство с теми римскими императорами, которые делали все, чтобы царствовать. Чтобы получить деньги, он продавал все свои бенефиции. Если в Риме умирал какой-нибудь прелат, он хотел получить все его наследство; если он знал кого-нибудь, кто был богат либо деньгами, либо должностями, он пытался довести его до смерти. Он обещал, соглашался, верил и, по обещанию, соглашению и вере, принимал людей и относился к ним полубовно. Я не хочу говорить о разврате, потому что о нем говорили такие позорные вещи, что мне трудно им верить, и я неохотно говорю о том, о чем легко солгать, и, поскольку владыки начинают быть ненавистными, каждый из них притворяется, преувеличивает, и тем самым, накапливает в себе все пороки. Кажется достаточным сказать, [что] папа Александр, согласно своим замыслам и в

восприятию мира, умер счастливым. После него был избран Пий III, мужчина здравого рассудка, который долго жил при римском дворе и, по мнению прелатов, был человеком доброй нравственности, но понтификом он пробыл всего несколько дней.

А после него был поставлен Юлий II, кардинал Сан-Пьетро-ин-Винколи, племянник Сикста, прозванный Юлием цвета желудя, [происходивший] из самой гнусной породы людей и не только не вызывавший доверия, но скорее дерзкий. В его воцарении было много обещаний денег, как и в воцарении папы Александра. Правда, став папой, он добился того, чего хотел. В начале своего понтификата он заботился о сборе денег, а о войнах, которые шли между королями Франции и Испании, он не беспокоился; он старался утвердиться в Риме и дал большую свободу священникам. Когда он собрал столько денег, что, как ему казалось, их было достаточно, чтобы явить себя грозным понтификом, он начал думать о том, чтобы освободить Болонью от власти синьора Джованни Бентивольо и вернуть ее под управление Церкви. С этой целью он заключил союз с королем Франции и лично отправился на это предприятие, которое ему удалось. Затем, поскольку он считал, что Франция взяла Феррару под защиту, и поскольку он желал вернуть это государство Церкви, и поскольку было прискорбно, что король Франции подчинил себе еще и Геную, он заключил соглашение с королем Испании против Франции. В результате противостояния, Франция вернула Бентивольо в Болонью, а папа бежал в Рим почти разоренным, и, если бы за ним последовали, его дело не было бы исправлено. [Но] ему помогла удача: он послал швейцарцев и в несколько дней изгнал французов из Италии, купил Парму и Пьяченцу, Реджо и Модену; а до этого он совершил много других дел против венецианцев.

Список литературы:

1. Гвиччардини Ф. История Италии: в 2 т. / Пер. с итал. и подготовка издания М.А. Юсима. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 744, 696 [1440] с.

2. де Коммин Ф. Мемуары / Пер. с франц. Ю.П. Малинина. М.: Наука, 1986. 496 с.
3. Контамин Ф. Война в Средние века / Пер. с фр. Ю.П. Малинина, А.Ю. Карачинского, М.Ю. Некрасова, под ред. Ю.П. Малинина. СПб.: Ювента, 2001. 416 с.
4. Павлов К.В. Флоренция и Италия в поисках «баланса сил»: от войны Флоренции и Милана к Лодийскому миру // Материалы XLIII всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Курбатовские чтения» / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб.: Скифия-Принт, 2024. С. 298-306.
5. Bernardino Corio. *Storia di Milano*. Eseguita sull' edizione principe del 1503 / Con prefazione, vita e note del E. De Magri: in 3 vol. Milano: Francesco Colombo, 1855-1857. Vol. 3. 742 p.
6. Burke P. *Secret history and historical consciousness: From the Renaissance to Romanticism*. Brighton: EER, 2016. 259 p.
7. Clough C. *Clement VII and Francesco Maria Della Rovere, Duke of Urbino* // *The Pontificate of Clement VII. History, politics, culture* / Ed. by K. Gouwens & S. Reiss. Routledge: Taylor & Francis Group, 2005. P. 75-108.
8. *Dispacci di Antonio Giustinian, Ambasciatore Veneto in Roma*: in 3 vol. / A cura di P. Villari. Firenze: Le Monnier, 1876. Vol. 1 586 p.; Vol. 2, 505 p.; Vol. 3, 608 p.
9. Francesco Vettori. *Ricordo delli Magistrati* // Francesco Vettori. *Scritti storici e politici* / A cura di E. Niccolini. Bari: Laterza, 1972. P. 7-9.
10. Francesco Vettori. *Sommario della istoria d'Italia* // Francesco Vettori. *Scritti storici e politici* / A cura di E. Niccolini. Bari: Laterza, 1972. P.135-246.
11. Gouwens K. *Remembering the Renaissance: humanist narratives of the sack of Rome*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1998. 232, [19] p.
12. Hook J. *The sack of Rome: 1527*. Camden: Palgrave Macmillan, 2004. 359 p.
13. *Legazione di Spagna di Francesco Guicciardini*. Pisa: Presso Niccolo Capurro, 1825. 293 p.

14. Leonardo Santoro. *Istoria de' successi del sacco di Roma e guerra del regno di Napoli sotto Lotrech* / A cura di S. Volpicella. Napoli: Stabilimento Tipografico di P. Androsio, 1858. 166 p.

15. Najemy J. *A history of Florence, 1200-1575*. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. 529 p.

16. Price Zimmermann T. *Paolo Giovio: The historian and the crisis of sixteenth-century Italy*. Princeton: Princeton University Press, 1995. 391, [14] p.

17. Rospocher M. *Il papa guerriero: Giulio II nello spazio pubblico europeo*. Bologna: Il Mulino, 2015. 574 p.

Сведения об авторе:

Павлов Кирилл Владимирович – магистр истории, аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

Data about the author:

Pavlov Kirill Vladimirovich – Master of History, graduate student of Institute of History, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

E-mail: Kir2014Sch603@gmail.com.